

УДК. 330.332

О ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

К.В. ПАВЛОВ,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики и управления
E-mail: kvp_ruk@mail.ru
Камский институт гуманитарных
и инженерных технологий

Статья посвящена взаимосвязи региональной экономики и экономической теории и роли этих научных дисциплин в создании теоретико-методологических основ для эффективного развития экономики России. Рассмотрены макроэкономические концепции и модели, среди которых выделяют несколько видов хозяйствующих субъектов (макропроизводитель, макропотребитель, государство, группа зарубежных субъектов и социальные институты). Кроме этого, для повышения точности макроэкономических моделей в отображении экономической действительности изучены региональные и муниципальные виды хозяйствующих субъектов.

Цель – обоснование необходимости использования регионального и муниципального видов хозяйствующих субъектов в макроэкономических моделях наряду с традиционными, что обусловлено взаимосвязью и взаимозависимостью между экономической теорией и региональной экономикой. В ходе исследования была решена задача оценки влияния различных типов местного самоуправления (англосаксонского, смешанного и континентального) на значения макроэкономических параметров. Учет регионального и муниципального факторов в концепциях макроуровня позволит внести существенные изменения в систему национальных счетов, что коренным образом скажется на уровне хозяйственной практики. Кроме этого, значительное внимание уделено определению влияния разных институтов на функционирование и развитие региональных социально-экономических систем.

Использованы системный и институциональный виды анализа, экономико-статистические методы, а

также методы моделирования воспроизводственных процессов.

Сделан вывод о том, что при осуществлении теоретического анализа национальной экономики выделение муниципального уровня в качестве самостоятельного субъекта хозяйствования целесообразно лишь для тех стран, где реализуются англосаксонская и смешанная модели местного самоуправления. Для стран с континентальной (французской) моделью муниципальный уровень является частью регионального уровня.

Ключевые слова: региональный и муниципальный факторы, макроэкономические модели, типы систем муниципального управления, структура форм собственности, северные регионы

Социально-экономическая система – это многоуровневая и многоаспектная структура. Этим объясняется большое количество научно-учебных дисциплин, которые в совокупности объясняют ее функционирование и развитие. Все научно-учебные дисциплины (а значит, и соответствующие науки) экономического профиля, по мнению автора, можно условно разделить на 3 группы:

- 1) на группу общих экономических научно-учебных дисциплин;
- 2) на группу специальных экономических дисциплин;
- 3) на группу отраслевых дисциплин.

В группу общих экономических научно-учебных дисциплин входят такие дисциплины, как экономическая теория, история экономики, история экономических учений и пр. Это самая малочисленная группа научно-учебных дисциплин, которые, однако, играют фундаментальную, методологическую роль по отношению к остальным дисциплинам, так как в рамках наук, входящих в данную группу, рассматриваются и исследуются общие законы и закономерности функционирования и развития системы общественного воспроизводства. Именно поэтому дисциплины этой группы можно назвать общими экономическими дисциплинами.

В группу специальных экономических дисциплин входят науки, каждая из которых подробно изучает не всю социально-экономическую систему, а лишь какую-то ее часть, элемент или функцию (может быть, ряд функций), которую эта система выполняет. К этой разнородной и более многочисленной группе следует отнести такие научно-учебные дисциплины, как менеджмент, бухгалтерский учет, экономическая статистика, финансы и кредит, ценообразование и т.д.

К самой многочисленной группе отраслевых дисциплин относятся так называемые отраслевые научно-учебные дисциплины, каждая из которых исследует социально-экономические особенности функционирования какой-то одной отрасли.

Все экономические науки в той или иной степени связаны между собой. Ведущая роль в развитии российской экономики отводится региональной и муниципальной экономике. Это объясняется тем обстоятельством, что Российская Федерация по занимаемой площади является самой большой страной мира. Ее территория составляет одну восьмую часть земной суши. Достаточно напомнить, что в состав страны в настоящее время (после вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым и Севастополя) входят 85 субъектов Российской Федерации, в том числе 22 республики. Ни у какой другой страны в мире нет такого количества входящих в нее крупных регионов. Для сравнения: США, также являющиеся одной из наиболее крупных по территории стран мира, состоят из 50 штатов и одного федерального округа Колумбия. Российские регионы к тому же отличаются большим разнообразием природно-климатических, экологических и хозяйственных условий их функционирования и развития.

Учитывая исключительное значение, которое имеют региональная экономика и экономическая

теория (особенно макроэкономика) для создания теоретико-методологических основ эффективного развития экономики России, представляется актуальным и перспективным изучение взаимосвязи и взаимозависимости между этими научно-учебными дисциплинами. Чтобы подробнее проанализировать уровень взаимозависимости, который существует между экономической теорией и региональной экономикой, следует учитывать следующее обстоятельство.

В настоящее время в макроэкономических научных концепциях, в теоретическом аспекте отражающих функционирование современной рыночной экономики на национальном уровне, как правило, выделяют 5 взаимодействующих субъектов:

- макропроизводитель;
- макропотребитель;
- государство (правительство);
- группа заграничных субъектов;
- социальные институты (например, профсоюзы).

В соответствии с этим в российской системе национальных счетов выделяются следующие секторы национальной экономики:

- нефинансовые корпорации;
- финансовые корпорации;
- государственное управление;
- домашние хозяйства;
- некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства.

В составе этих секторов можно выделить следующие подсекторы:

- нефинансовые корпорации (государственные предприятия); негосударственные национальные нефинансовые предприятия (акционерные общества, товарищества, кооперативы, частные предприятия и др.); иностранные нефинансовые предприятия;
- финансовые корпорации (банки, инвестиционные фонды, фондовые биржи, страховые компании, пенсионные фонды и др.);
- государственные учреждения (государственные учреждения и организации, государственные фонды социального обеспечения и другие внебюджетные фонды);
- некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства – общественные и религиозные организации, благотворительные общества и фонды, некоммерческие организации, создаваемые как подразделения предприятий и организаций (ведомственные больницы, поли-

клиники, санатории, спортивные базы, клубы и др.);

- домашние хозяйства – отдельные домашние хозяйства и принадлежащие им некорпорированные предприятия (подсобные хозяйства рабочих и служащих, индивидуальные крестьянские хозяйства и др.).

Однако, по мнению автора, кроме перечисленных 5 субъектов в качестве самостоятельных необходимо выделить еще 2: региональный и муниципальный. Объясняется это рядом причин. Одной из них является то, что уже достаточно давно наряду с различными разновидностями и моделями рынка в качестве самостоятельного феномена фигурирует региональный рынок. Другой причиной является усиление влияния региональных факторов на темпы и уровень социально-экономического развития передовых стран [5]. В этой связи целесообразно вспомнить о характерном для развитого мира процессе регионализации, который выражается в происходящем в последние десятилетия росте собственных доходов территориальных бюджетов западных государств, в увеличении удельного веса региональных и муниципальных налогов в общей структуре налоговых поступлений в них и т.д.

В России, насчитывающей более 80 крупных субъектов Федерации и около 30 тыс. региональных бюджетов, проблема учета территориального фактора в эффективном развитии национальной экономики еще более актуальна. Правда понятие «регион» используется для обозначения и крупного региона мира (например, европейский, азиатский и пр.), и относительно небольшой территории. Выделяя региональный уровень в качестве еще одного самостоятельного субъекта, автор имеет в виду лишь те территориальные образования, которые составляют часть национальной экономики и имеют определенные властные структуры, способные регулировать социально-экономические процессы на соответствующей территории. В территориальном устройстве современного российского общества под данное определение подходят субъекты Российской Федерации и федеральные округа. Более того, следует напомнить, что в России уровни субъектов Федерации и федеральных округов наряду с федеральным уровнем также относятся к системе государственного управления (в отличие от муниципального уровня).

Учитывая специфику функционирования региональной экономики, целесообразно, по мнению

автора, при осуществлении теоретического анализа из государственного управления (государства) как одного из 5 взаимодействующих субъектов вычленять региональное управление в качестве еще одного самостоятельного, т.е. шестого субъекта. Действительно, ведь для эффективного функционирования экономики многих стран большое значение имеет оптимальное использование региональной собственности, территориальных бюджетов и налогов. Следует напомнить, что на территории субъектов Российской Федерации выделяют следующие разновидности объектов собственности:

- федеральную собственность;
- исключительную собственность самого субъекта;
- собственность, находящуюся в совместном ведении как федерального центра, так и органов власти самого субъекта Российской Федерации [9].

Каждый субъект имеет также так называемые закрепленные (собственные) доходы, не зависящие от федерального центра. Кроме этого, как правило, формируются и региональные внебюджетные фонды.

Наряду с региональным уровнем в качестве отдельного субъекта целесообразно, по мнению автора, выделить также и муниципальный уровень. Правда, нередко в специальной литературе можно встретить мнение о том, что муниципалитеты являются разновидностью регионов. Поэтому логично, что в этом случае нет необходимости в макроэкономической теории кроме регионального уровня выделять еще и муниципальный уровень. Однако на это можно возразить: в России в соответствии с ее Конституцией, принятой в декабре 1993 г., муниципальный уровень существенно отличается от регионального, отождествляемого здесь с уровнем субъекта Российской Федерации. Как уже отмечалось, в России региональный уровень, т.е. уровень субъекта Федерации, является разновидностью системы государственного управления наряду с федеральным. Муниципальный же уровень в соответствии с Конституцией России не относится к этой системе.

Это в значительной мере объясняется тем, что в процессе формирования системы муниципалитетов в России была взята на вооружение так называемая англосаксонская модель, которая характеризуется более глубокой автономией местных органов и отсутствием выраженного подчинения их государственным властным структурам. Англосаксонская

система зародилась в Великобритании. Ее важнейший признак – отсутствие на местах полномочных представителей правительства, опекающих выборные органы [20]. Здесь имеет место двухступенчатая система местного управления – страна поделена на графства, а графства – на округа. Основу системы составляют графства, им переданы все важнейшие функции, которые по закону могли осуществлять местные выборные органы. Округа, за исключением метрополитенских, наделены второстепенными функциями.

Для США, где также используется англосаксонский тип местного самоуправления, характерна высокая степень децентрализации функций государства в социально-экономической сфере. Федеративная система предоставляет штатам определенную экономическую автономию и широкие полномочия, местные органы в правовом отношении непосредственно зависят от них. Каждый штат имеет свою конституцию, в которой закреплены основные принципы и формы его государственного устройства и устройства местных органов [2].

Таким образом, в системе взаимоотношений между муниципалитетами (т.е. органами местного самоуправления) и государственными структурами, в том числе региональными органами власти, российская практика (в основе которой лежит, как уже указывалось, преимущественно использование англосаксонской модели) характеризуется существенной автономией каждой из этих двух подсистем. В этих условиях вполне оправдано при проведении теоретического анализа выделение муниципального уровня в качестве отдельного субъекта. Это объясняется значительными объемами муниципальной экономики, включающей муниципальную собственность, муниципальные предприятия, муниципальные бюджеты и налоги, а также внебюджетные фонды. Правда, следует отметить, что наряду с англосаксонским типом местного самоуправления, который наиболее характерен для таких стран, как США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, существуют и иные модели и системы муниципалитетов [3]. В развитых странах рыночной ориентации кроме англосаксонского типа выделяют также французский (континентальный) и смешанный типы местного самоуправления.

Французский (континентальный) тип местного управления впервые зародился во Франции [13]. Статусом местных органов во Франции обладают департаменты и коммуны, причем основные адми-

нистративно-территориальные структуры являются одновременно и местными образованиями, и органами государственного управления. В настоящее время в стране насчитывается 95 департаментов и свыше 36 тыс. коммун. Кроме них в качестве государственных единиц управления выступают также административные округа и региональные органы.

Департамент как местный орган в лице генерального совета наделен следующими полномочиями:

- создавать и организовывать определенные департаментские публичные службы и управлять ими;
- управлять имуществом департамента;
- принимать бюджет департамента и контролировать его исполнение;
- осуществлять функции совещательного органа департамента, хозяйственного планирования и регионального программирования.

Высший орган коммуны – муниципальный совет, избирающий из своего состава мэра и его заместителей. Мэр представляет исполнительную власть коммуны и выступает в двух качествах – как глава самоуправления и как представитель центральной власти (в связи с тем, что коммуна является одновременно и государственным округом, и местным образованием).

В ряде других государств система местного самоуправления относится к тому же типу, что и во Франции, что, однако, не означает абсолютного дублирования. В Италии, например, имеет место трехзвенная система – в областях, провинциях и общинах. Области – это автономные структуры с самостоятельной ответственностью и функциями, провинции и общины – единицы местного управления в рамках территориального деления государства и областей. Как правило, область делегирует часть административных функций провинциям и общинам, выделяя им соответствующие финансовые средства (как областные, так и государственные).

Смешанный тип местного управления наиболее характерен для Германии и Японии. В Японии местное управление двухзвенное:

- высшее звено – префектура;
- второе звено – города, поселки, деревни.

Здесь действует закон о местном самоуправлении, в котором содержится детальная регламентация его структуры, а также внутренней организации и компетенции местных органов всех уровней, что

в определенной степени ограничивает свободу системы местного управления [6].

В Германии выделяют пять уровней территориального управления:

- 1) федерация;
- 2) земли;
- 3) округа;
- 4) районы и города в ранге районов;
- 5) общины.

Базовые единицы коммунального управления – это общины, районы и города. Среди многообразия общин, являющихся низшими звеньями коммунальной системы, различают городские и сельские, однако во всех случаях в качестве представительного органа общины выступает совет. В стране не унифицированы требования к структуре коммунального управления и имеется много местных управляющих органов, обладающих индивидуальными чертами. Выделяют несколько типов муниципальной администрации, которые характеризуются определенными особенностями функциональных связей между выборными и исполнительными органами. Таким образом, в странах с развитой рыночной экономикой наблюдается широкий диапазон типов и форм местного управления [8].

При осуществлении теоретического анализа национальной экономики выделение муниципального уровня в качестве самостоятельного субъекта целесообразно, по мнению автора, лишь для тех стран, где реализуются англосаксонская и смешанная модели местного самоуправления. Для французской модели муниципальный уровень просто станет составным элементом регионального уровня.

Может сложиться впечатление, что вопрос о количестве взаимодействующих субъектов, необходимых и в то же время достаточных для адекватного отражения в теории эффективного функционирования макроэкономики, при рыночных отношениях не имеет большого практического значения. Однако это не так. Использование в макроэкономических моделях наряду с пятью традиционными взаимодействующими субъектами (макропроизводитель, макропотребитель, государство, группа зарубежных субъектов и социальные институты) еще двух (региональных и муниципальных органов власти) позволит более глубоко понять происходящие социально-экономические процессы в системе общественного воспроизводства, а также внести серьезные изменения в систему национальных счетов. При этом следует предусмотреть появление

отдельных новых секторов национальной экономики, связанных с региональным и муниципальными уровнями.

Предложенный подход позволит также усилить взаимосвязь между экономической теорией и региональной экономикой, что должно позитивно сказаться на развитии обеих научных дисциплин. В этой связи стоит напомнить о том, что одной из важнейших причин весьма неэффективного реформирования российской экономики в 1990-х гг. являлся недостаточный учет территориальных особенностей различных регионов страны при разработке стратегии общественного развития.

Подход, при котором регион рассматривается как полноценный хозяйствующий субъект рыночной экономики, позволит также существенно развить систему статистического учета межрегиональных взаимодействий [11]. Региональная экономика как отрасль научных знаний достаточно давно и продуктивно разрабатывается отечественными и зарубежными исследователями. Интересные наработки имеются в теории территориального разделения труда, моделировании регионального развития, разработке схем и прогнозов развития и размещения производительных сил, исследовании территориальных закономерностей, циклов производства и т.п. Однако, по мнению автора, из всей совокупности проблем теории региональной экономики целесообразно выделить в особую группу:

- вопросы выявления общего и особенного в осуществлении хозяйственных процессов в различных районах страны;
- проблемы межрегиональных социально-экономических взаимодействий (межрегиональных технолого-производственных взаимосвязей, межрегионального товарообмена и т.п.);
- вопросы сравнительного анализа перехода к рынку в разных районах страны и пр.

Раздел же теории региональной экономики, который специализируется на рассмотрении и анализе такого рода проблем, имеет смысл обозначить как «межрегиональная экономика». Аналогично раздел теории региональной экологии, занимающейся рассмотрением и анализом вопросов экологических отношений и связей между различными регионами, целесообразно обозначить как «межрегиональная экология».

Одним из важнейших направлений современной экономической теории является институциональная экономика. Институционализм как новое направле-

ние экономической мысли возник в США в начале XX в. как одна из форм отображения усилившихся монополитических тенденций в экономике, содействуя разработке и развитию «антитрестовской» политики собственной страны. В определенной мере институционализм противопоставляется неоклассическому направлению экономической теории, исходящей из великого тезиса, сформулированного еще великим А. Смитом о «невидимой руке» рынка, т.е. о совершенстве рыночного хозяйственного механизма и саморегулируемости рыночной экономики. Нося междисциплинарный характер, институционализм наряду с материальными факторами в качестве определяющей силы развития экономики выделяет также правовые, моральные, этнические, духовные и другие факторы, рассматриваемые в историческом аспекте [16].

В основе категориального аппарата институционалистской концепции лежит понятие «институт», причем к институтам относят самые разнообразные понятия (собственность, государство, семья, профсоюзы, религия, нравы и т.п.) [21]. Таким образом, институт в данной концепции рассматривается в качестве первичного элемента движущей силы общества в экономике и вне ее. Иначе говоря, институционализм в ретроспективном плане – одна из первых экономических теорий, по существу, вышедших за пределы исключительно воспроизводственных отношений, где стали учитываться, причем не вне, а внутри этой теории, также и иные формы общественных отношений (правовые, социальные, экологические, этнические и пр.).

Развитие институтов происходило в течение длительного периода времени, т.е. это был длительный процесс, который включал их создание, отбор и формирование эффективной системы. В последнее время все чаще говорят о выращивании институтов. В значительной мере это определило то обстоятельство, что в рамках институциональной теории за вековой период ее развития сформировалось несколько различных и вполне самостоятельных, целостных направлений (новая институциональная экономика, неоинституциональная экономика, эволюционная экономика и др.).

Так, в рамках новой институциональной экономики изучается институциональная структура государства и реальные институты (организации и хозяйственные системы). Неоинституциональная экономика изучает влияние отношений и прав собственности на развитие социально-экономических

систем, осуществляет анализ транзакционных издержек, исследует экономические аспекты заключения разнообразных контрактов [12]. Эволюционная экономика изучает взаимосвязь между технологическими и социально-экономическими процессами, а также рассматривает вопросы разработки оптимальной стратегии поведения фирмы.

По мнению автора, в настоящее время необходимо рассмотреть вопрос о целесообразности формирования еще одного научного направления в рамках институциональной теории – патоинституционализма. В рамках этой научной концепции планируется сконцентрировать внимание на изучении патологических процессов в институциональной системе и в самих институтах, которые по аналогии можно назвать патоинститутами. Использование данного названия объясняется тем, что термин «патологический процесс» образован от греческого «патос», что означает болезнь [20]. Учитывая, что в последнее время на разных уровнях общественной иерархии участились всевозможные кризисы, которые весьма болезненно переживаются населением, представляется, что развитие патоинституционализма является весьма актуальным.

Действительно, только за последние десятилетия произошел кризис мировой социалистической системы, в том числе кризис советской системы и советской экономики, когда спад производства ВВП составил половину докризисного уровня. Достаточно вспомнить, что кризис советской экономики 1980–1990-х гг. сравнивали по степени разрушения с Великой депрессией 1929–1933 гг. Следует упомянуть и всевозможные кризисы на азиатских рынках, августовский дефолт 1998 г., мировой кризис 2008–2009 гг. К тому же усилились всевозможные диспропорции как в мировой экономике, так и в национальной экономике различных стран [14]. Значительно усилилось проявление диспропорций на отраслевом и региональном уровнях, а также на уровне отдельных предприятий и фирм.

Очевидно, что усиление кризисов и диспропорций связано также и с институциональным фактором, причем как на уровне отдельных институтов, так и на уровне институциональной системы в целом [1]. Поэтому одним из важнейших аспектов развития патоинституционализма как нового научного направления должно стать изучение взаимосвязи между усилением кризисных проявлений и диспропорциональностью, возникающих в социально-экономических системах на разных уровнях

управленческой иерархии, с одной стороны, и институциональным фактором, институциональным направлением, с другой стороны.

Еще одним очень важным аспектом патоинституционализма может стать изучение различных видов и типов патологий в самой институциональной системе, в том числе во всевозможных институтах. В этой связи крайне важной проблемой может стать определение критериев и количественных показателей, на основе которых нормальный институт отличается от патоинститута. Такого рода проблема актуальна и для институциональной системы в целом, т.е. для определения нормальной и патологической институциональной системы в целом. Очевидно также, что патоинституционализм будет связан с другими, уже сложившимися направлениями и концепциями институциональной теории.

Так, один из основоположников институциональной теории Т. Веблен, которого нередко за образ своих мыслей называли американским Марксом, в книге «Теория праздного класса» (1899 г.) критиковал паразитический образ жизни занятых только финансовой деятельностью рантье – владельцев особой, абсентеистской формы частной собственности [4]. Этим самым он по существу противопоставлял эту, если так можно выразиться, праздную часть бизнесменов остальным (нормальным) предпринимателям, реально зарабатывающим свой предпринимательский доход. Глубокий анализ негативных аспектов абсентеистской формы собственности можно встретить в научных трудах профессора из Уфы В.К. Нусратуллина [17]. Иначе говоря, по существу, у Т. Веблена абсентеистская форма собственности и ее владельцы рассматриваются как некая патология, которая, в отличие от обычных предпринимателей, мешает эффективному развитию экономики, в том числе эффективному развитию научно-технического прогресса.

Справедливость сказанного подтверждается примерами современной российской действительности, когда многие олигархи, сколотившие огромные состояния за короткий срок за счет использования природных ресурсов, по существу являющихся народным достоянием России и поэтому им самим не принадлежащих, используют значительную часть полученных доходов не на развитие производства, а на удовлетворение собственных прихотей. Когда физический и моральный износ основных фондов во многих отраслях приближается к 100%, российские бизнесмены значительную часть своих доходов

тратят на непроизводительное, непроизводительное потребление и нередко делают это за рубежом, что также свидетельствует о патологичности современной российской институциональной системы, в том числе некоторых государственных структур, являющихся ее важнейшими атрибутами. Это обстоятельство также самым серьезным и негативным образом сказывается на социально-экономической эффективности модернизации и вообще эффективности НТП в России. Иначе говоря, абсентеистская форма собственности – это один из важнейших тормозов модернизации и технического перевооружения российской экономики.

Следует добавить, что такого рода поведение многих российских бизнесменов отнюдь не уникально. Подобным образом ведет себя компрадорская буржуазия во многих странах третьего мира, тем самым, по существу, обогащая развитые страны за счет развивающихся [18]. Но этот факт является лишь слабым утешением, так как вывоз за рубеж значительной части доходов, полученных от эксплуатации природных ресурсов страны, грозит национальной безопасностью России и противоречит ее национальным интересам.

В этой связи целесообразно привести противоположный пример – Норвегию. В начале XX в. эта страна была одной из самых бедных стран Европы, а сейчас, спустя сто лет, наоборот, является одной из самых богатых стран с очень высоким уровнем жизни. В значительной степени это связано с эффективным использованием доходов от добычи нефти на шельфе океана, чем данная страна давно уже занимается. Эти доходы идут в государственный фонд, причем значительная их часть в настоящее время не тратится, а остается для использования будущими поколениями. Это значит, что норвежские государственные структуры, занимающиеся всеми этими проблемами, следует признать, в отличие от их российских аналогов, не только нормальными, но и весьма эффективными. Кстати, этот пример лишний раз подтверждает неверность тезиса о том, что государственная собственность всегда неэффективна. Неэффективной может быть и частная собственность. Все зависит от системы управления той или иной формой собственности.

В сложившейся негативной ситуации в России следует винить не только неэффективно функционирующую систему государственных структур, занимающихся такого рода вопросами, но и другие коллективные институты: правовые отношения,

профсоюзы, производственные корпорации и различные торговые объединения. Лишь их оптимальное взаимодействие заставит существенно скорректировать поведение многих российских бизнесменов, чтобы в значительно большей степени вкладывать свои доходы в развитие отечественной, а не зарубежной экономики. По мнению автора, вообще целесообразно значительно изменить стратегию, парадигму развития России в сторону существенного усиления контроля и управления сырьевым сектором и отраслями тяжелой промышленности со стороны государственных структур, оставив традиционные, рыночные принципы хозяйствования лишь в системе малого и среднего бизнеса. Крайне важно это сделать именно сейчас в условиях необходимости модернизации. Все это позволит сконцентрировать доходы от сырьевого сектора и направить их часть на процессы модернизации российской экономики.

Такая стратегия развития («Стратегия ограниченного капитализма» или «Стратегия государственного капитализма») больше отвечает интересам России и особенно защите ее природных ресурсов, чем либерально-монетарная стратегия. Кстати, ретроспективный анализ отечественного опыта осуществления крупных модернизаций экономики свидетельствует о том, что начинались и проводились они, как правило, под жестким контролем со стороны государственных структур, т.е. осуществлялись «сверху», а не «снизу» (инициатива исходила преимущественно не со стороны предприятий и фирм, а государственных структур). Достаточно в этой связи вспомнить реформы Петра I, Александра II, П.А. Столыпина, коллективизацию и индустриализацию социалистической экономики и пр. Целесообразно также, по мнению автора, вернуть в хозяйственный механизм России и плановый институт в форме индикативного планирования. Индикативное планирование показало свою эффективность в таких развитых странах, как Франция, Япония, Южная Корея и др. Любая относительно развитая экономика обязательно нуждается в том, чтобы в той или иной форме предвидеть возможные варианты своего развития в будущем. Поэтому невозможно обойтись в этом случае без той или иной формы планирования. Все это также повысит эффективность модернизации в стране.

Разумеется, речь не идет о возвращении к директивно-приказной форме планирования, характерной для социалистической экономики. Это

невозможно хотя бы потому, что в странах с развитой рыночной экономикой государственный сектор, функционирование которого основано преимущественно на использовании объектов государственной собственности, имеет долю от 15 до 25% в структуре ВВП. Соответственно, на малый и средний бизнес в структуре ВВП развитых государств обычно приходится от 35 до 55%, на крупный бизнес – от 30 до 50%. Именно такие пропорции между этими тремя укладами, секторами развитой рыночной экономики создают необходимые, но пока еще все же недостаточные условия для ее высокоэффективного функционирования и развития. Все это является результатом длительного эволюционного развития рыночной экономики.

Если сравнить эти пропорции со структурой, сложившейся между аналогичными укладами в российской экономике, то следует отметить сравнительно небольшой удельный вес малого и среднего бизнеса – около 15%. Соответственно, существенно выше в России доля в структуре ВВП, приходящаяся на крупный бизнес. Объяснить эту своего рода российскую патологию (если можно так выразиться) можно следующим образом.

Одной из важнейших причин является то, что Россия – северная страна. По оценкам, около 65–70% территории страны относится к зоне Севера. С этим связаны повышенные затраты на строительство жилья (в 2–3 раза выше по сравнению с затратами, приходящимися на строительство жилья в средней полосе России), большие издержки на добычу сырья (той же нефти) и т.д. [7]. Минимальная потребительская корзина в Мурманской области где-то в 1,8 раза выше, чем, например, в Удмуртской Республике (регионе Предуралья). Все это существенно усложняет развитие малого и среднего бизнеса в стране, делая его более затратным, менее конкурентоспособным, усложняя так называемые условия и правила входа в бизнес. Именно в этом, по мнению автора, заключается одна из наиболее важных причин того, что в России уже достаточно давно доля малого бизнеса в структуре ВВП не превышает 15%.

Следует отметить, что и в Канаде – стране, территориальная структура которой среди развитых государств в наибольшей степени схожа с российской (в Канаде также около 70% территории относится к зоне Севера), наблюдаются аналогичные проблемы. Здесь также добыча тонны нефти в северных провинциях Канады (например, в штате

Альберта) обходится в 3–4 раза дороже, чем в более комфортных по климатическим условиям регионах страны (кстати, в Канаде, как и в России, именно в северных регионах находятся большие запасы неосвоенных природных ресурсов) [10].

Кроме фактора «северности» на структуру форм собственности и форм хозяйствования в России значительное влияние по инерции оказывает наследие социалистической эпохи, когда сплошь и рядом создавались крупные и крупнейшие предприятия. Гигантомания, характерная для того периода, во многом до сих пор проявляется в том, что в России по-прежнему более высокие показатели удельного веса в структуре ВВП, приходящиеся на крупный бизнес, чем в среднем это свойственно для развитых стран. Кроме этого, не последнюю роль играет также сырьевая направленность российской экономики (напомним, что в добывающей и тяжелой отраслях промышленности, как правило, наиболее эффективны именно крупные предприятия). Все это, а также высокий уровень износа основных фондов существенно снижают конкурентоспособность российской экономики.

Таким образом, учитывая специфические условия осуществления воспроизводственного процесса в России, структура форм собственности и форм хозяйствования в отечественной экономике не должна (да и просто не может, как бы мы этого ни хотели) соответствовать средним стандартам, характерным для стран с развитой рыночной экономикой. Разумеется, это вовсе не значит, что не нужно стремиться и в дальнейшем развивать в стране малый и средний бизнес, который к тому же является и важным фактором модернизации. Наоборот, это, безусловно, нужно делать, несмотря на то, что в российской экономике до сих пор доля, приходящаяся в структуре ВВП на малый и средний бизнес, все еще не достигла уровня 40–50%, как в странах с развитой рыночной экономикой. Кроме этого, следует добавить, что и в этих государствах характерные для них стандарты были достигнуты лишь вследствие длительной эволюции, тогда как российская экономика «работает» на основе рыночных принципов немногим более 20 лет.

Вместе с тем очевидно, что целевые ориентиры будущей структуры форм собственности и форм хозяйствования в российской экономике должны быть разработаны с учетом ее воспроизводственной специфики, а вовсе не должны ориентироваться только лишь на усредненные показатели, расчи-

танные исходя из статистических данных функционирования развитых государств.

Таким образом, институциональный анализ форм собственности и хозяйствования в виде трех укладов (трех секторов) показал, что норма и патология в таком важнейшем институте, как собственность, весьма относительно при рассмотрении процессов, происходящих в российской экономике. В этом случае необходимо учитывать не только среднестатистические стандарты, характерные для группы развитых стран в целом, но и специфику условий и факторов, характерных для развития отечественной экономики и существенно влияющих на воспроизводственные процессы в ней.

Можно выделить немало патологий в институциональной среде, открытых еще основоположниками институционализма. Так, тот же Т. Веблен открыл эффект, названный в честь него. Сущность «эффекта Веблена» заключается в том, что для имущего непродовольственного класса могут существовать особые цены на товары, символизирующие их «престижность», а не истинное проявление закона спроса и предложения. Иначе говоря, «эффект Веблена» характеризует ситуацию, когда снижение цены на товар воспринимается покупателем как ухудшение его качества или утрата его «актуальности» либо «престижности» среди населения, и тогда этот товар перестает пользоваться покупательским спросом, а в обратной ситуации, напротив, объем покупок с ростом цены может возрасти.

Особенно часто «эффект Веблена» проявляется в специфических особенностях системы ценообразования на товары роскоши, когда рост цены на них означает рост престижности (поэтому эффект, открытый Т. Вебленом, нередко называют также эффектом сноба). Итак, в данном случае имеет место нарушение действия фундаментального экономического закона (своего рода тоже патология), лежащего в основе функционирования всей рыночной системы хозяйствования – закона спроса и предложения для определенной группы людей (института), т.е. в данном случае группы нуворишей. Более того, нарушение этого закона наблюдается и при изменении цены на так называемые товары бедняков, которые называют товарами Гиффена в честь историка XIX в. Гиффен изучал изменения в системе потребления беднейших слоев населения Великобритании XVII и XVIII вв. – крестьян, когда снижались урожаи картофеля. Этот вид сельскохозяйственной продукции являлся в тот период важ-

нейшим продуктом питания у беднейших крестьян. В периоды резкого спада урожая картофеля цена на него существенно возрастала, но спрос на картофель у этих слоев населения британского общества того времени не падал, как должно было быть в соответствии с действием упомянутого фундаментального закона спроса и предложения, а наоборот, возрастал. Объяснялось это тем, что в условиях неурожая картофеля доходы британских крестьян, его выращивающих, существенно сокращались, а значит, сокращалось и потребление сравнительно дорогих и более калорийных продуктов питания (молока, яиц, мяса и пр.) и, соответственно, увеличивалось потребление все того же картофеля как самого дешевого продукта питания.

Другую патологию, связанную с «нечестной» (монополистической) конкуренцией предпринимателей, в своих главных научных трудах исследовал еще один классик институционализма Д. Коммонс («Правовые основания капитализма», «Институциональная экономика. Ее место в политической экономии» и др.). В своих работах он обосновал необходимость проведения государством реформ в области законодательства, что способствовало демополизации экономики и нашло реальное практическое применение в 1930-е гг. в период так называемого «нового курса» президента США Ф. Рузвельта.

Таким образом, в рамках институциональной теории уже достаточно давно исследуются различного рода экономические аномалии, патологии (хотя, как правило, называемые иным образом), связанные с нарушениями, отклонениями от обычного, стандартного поведения различных институтов или институциональной системы в целом. Однако происходило это нечасто, время от времени, спорадически. Автором предлагается сконцентрировать внимание на изучении такого рода институциональных патологий, что позволит выявить общее и особенное в них, раскрыть закономерности и тенденции их функционирования и в конце концов осуществить разработку направлений, форм и методов устранения этих патологий или, возможно, будет способствовать уменьшению негативного их воздействия на социально-экономические процессы.

Изучение и анализ подобных патологий в итоге могут привести к формированию и развитию нового направления в рамках институциональной теории – направления, названного автором пато-

институционализмом. Учитывая, что в последнее время участились и стали по своим последствиям все более разрушительными всевозможные кризисы как глобального, так и локального характера, представляется, что развитие патоинституционализма может стать весьма актуальным. Его развитие будет происходить во взаимосвязи не только с другими направлениями институциональной теории, но и с иными экономическими концепциями. Так, представляется, что тесное взаимодействие может произойти между развитием патоинституционализма и экономической режимологией, которую интенсивно развивает в своих научных трудах профессор из Донецка В.И. Ляшенко [15] (например, перспективно, по мнению автора, введение в научный оборот и в теоретический анализ понятия «паторежим»).

Целесообразно различать патологии в институциональной системе, в институциональной среде и в самих институтах (в этом случае последние можно называть патоинститутами). Так, к патоинститутам можно отнести устаревшие институты, нуждающиеся в замене или обновлении; отжившие институты, приносящие вред и мешающие реализации прогрессивных мероприятий, а также неправильные институты, тормозящие развитие социально-экономических процессов, например, процесс модернизации российского общества. Следует учитывать, что институт – это совокупность, состоящая из правила или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этих правил [19]. Другими словами, это сложное понятие, и в случае обнаружения в нем какой-то патологии нужно искать, в каком конкретном элементе или элементах этого института эта патология возникла. Целесообразно также осуществить классификацию патоинститутов, например по сферам действия – патоинституты в социальной, в правовой, в экологической сферах и т.п. Патоинституционализм, таким образом, поможет диагностировать развитие патологий, т.е. болезней в институтах и институциональной среде, а также разработать методы борьбы с ними, т.е. методы их лечения. Более того, его развитие может способствовать в будущем профилактике возникновения патоинститутов.

Кроме патоинститутов, патологии могут возникнуть также в институциональной среде или системе. В этом случае патологии следует искать в механизме взаимосвязи и взаимодействия между элементами данной системы. Однако важнейшей задачей патоинституционализма в обозримом бу-

душем, по мнению автора, будет являться задача определения критериев и показателей выделения патологий, причем не только в самой институциональной системе и в институтах, но и в условиях их функционирования и развития.

В последнее время все чаще говорят о необходимости выращивания различных институтов. И для того чтобы не вырастить патоинститут и нормализовать процесс выращивания эффективных институтов, этому процессу в рамках патоинституционализма также следует уделить самое пристальное внимание. Из этого следует, что данное направление институциональной теории весьма актуально и в перспективе может иметь большое теоретическое и практическое значение для развития всей экономической теории и хозяйственной практики.

Список литературы

1. *Авдашева С.Б.* Политика поддержки конкуренции: антимонопольное регулирование и реструктуризация в отраслях естественных монополий: учеб. пособие. М.: Новый учебник, 2004. 174 с.
2. *Аккоф Р.Л.* Планирование будущего корпорации. М.: Экономика, 2002. 214 с.
3. *Ансофф И.* Стратегическое управление. М.: Экономика, 2002. 225 с.
4. *Аузан А., Сатаров Г.* Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 65–73.
5. *Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х.* Маркетинг: учебник для вузов. СПб: Питер, 2005. 736 с.
6. *Бараненко С.П., Шеметов В.В.* Стратегическая устойчивость предприятия. М.: Центрполиграф, 2004. 493 с.
7. *Бессонова О.* Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 122–144.
8. *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2003. 272 с.
9. *Елиферов В.Г., Ретин В.В.* Бизнес-процессы: Регламентация и управление. М.: Инфра-М, 2005. 231 с.
10. *Зуб А.Т.* Стратегический менеджмент: учебник. М.: Проспект, 2008. 432 с.
11. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1968. 659 с.
12. *Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория.* М.: Инфра-М, 2005. 416 с.
13. *Институциональные проблемы эффективного государства.* Донецк: Национальный технический университет, 2011. 292 с.
14. *Лисоволик Я.Д.* Конкурентная Россия в мире «конкурентной либерализации». М.: Экономика, 2007. 446 с.
15. *Ляшенко В.И.* Финансово-регуляторные режимы стимулирования экономического развития: введение в экономическую режимологию. Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2012. 370 с.
16. *Маршалл А.* Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. 830 с.
17. *Нусратуллин В.К.* Неравновесная экономика. М.: Компания Спутник+, 2006. 482 с.
18. *Портер М.* Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.
19. *Ходжсон Дж.* Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 28–49.
20. *Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере.* Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2012. 255 с.
21. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: учебник. М.: Инфра-М, 2004. 480 с.

Regional economics: theory and practice
ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Issues on economics

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN ECONOMIC THEORY AND THE REGIONAL ECONOMICS

Konstantin V. PAVLOV

Abstract

Importance The article considers the relationship of regional economics and economic theory and the role of these scientific disciplines in the creation of theoretical and methodological bases for the effective development of the Russian economy. The paper deals with the macroeconomic framework and models, among which there are several types of economic units: a macroproducer, a macroconsumer, a State, a group of foreign actors, and social institutions. In addition, I explored regional and municipal forms of business entities to improve the accuracy of macroeconomic models in economic reality.

Objectives The goal of the paper is to justify the use of regional and municipal entities in the macroeconomic models, along with the traditional ones, reflecting the interrelationship and interdependence between economic theory and the regional economics.

Methods For the study, I used system and institutional analyses, economic-statistical methods and modeling techniques of reproduction processes.

Results I assessed the impact of different types of local self-government (Anglo-Saxon, mixed and continental) on the value of macroeconomic parameters. Accounting the regional and municipal factors in macrolevel concepts will make significant changes in the system of national accounts that will fundamentally affect the level of economic practices. In addition, I paid considerable attention to the influence of different institutions on the functioning and development of regional socio-economic systems.

Conclusions and Relevance I came to a conclusion that the theoretical analysis of the national economy allocation at the municipal level as an autonomous business entity should be only for those countries implementing the Anglo-Saxon and mixed models of local self-government. For the countries with the continental (French) model, the municipal level is part of the regional level.

Keywords: regional, municipal, factors, macroeconomic models, types, systems, municipal management, ownership structure, northern regions

References

1. Avdasheva S.B. *Politika podderzhki konkurent-sii: antimonopol'noe regulirovanie i restrukturizatsiya v otraslyakh estestvennykh monopolii: ucheb. posobie* [The policy of competition support: antimonopoly regulation and restructuring in branches of natural monopolies: a manual]. Moscow, Novyi uchebnik Publ., 2004, 174 p.
2. Ackoff R.L. *Planirovanie budushchego korporatsii* [Creating the Corporate Future: Plan or Be Planned For]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002, 214 p.
3. Ansoff H.I. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic Management]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002, 225 p.
4. Auzan A., Satarov G. *Prioritety institutsional'nykh preobrazovaniy v usloviyakh ekonomicheskoi modernizatsii* [The priorities of the institutional reforms in economic modernization]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 6, pp. 65–73.
5. Bagiev G.L., Tarasevich V.M., Ann Kh. *Marketing: uchebnik dlya vuzov* [Marketing: a textbook]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 736 p.
6. Baranenko S.P., Shemetov V.V. *Strategicheskaya ustoychivost' predpriyatiya* [Strategic stability of the enterprise]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004, 493 p.
7. Bessonova O. *Institutsional'naya matritsa dlya modernizatsii Rossii* [An institutional matrix for Russia's modernization]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 8, pp. 122–144.
8. Drucker P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Management Challenges for the 21st Century]. Moscow, Vil'yams Publ., 2003, 272 p.
9. Eliferov V.G., Repin V.V. *Biznes-protsessy: Reglamentatsiya i upravlenie* [Business processes: Regulation and management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 231 p.
10. Zub A.T. *Strategicheskii menedzhment: uchebnik* [Strategic management: a textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2008, 432 p.
11. Isard W. *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh* [Methods of Regional Analysis:

an Introduction to Regional Science]. Moscow, Progress Publ., 1968, 659 p.

12. *Institutsional'naya ekonomika: novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional economy: a new institutional economic theory]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 416 p.

13. *Institutsional'nye problemy effektivnogo gosudarstva* [Institutional problems of the effective State]. Donetsk, National Technical University of Ukraine Publ., 2011, 292 p.

14. Lisovolik Ya.D. *Konkurentnaya Rossiya v mire "konkurentnoi liberalizatsii"* [Competitive Russia in the world of "competitive liberalization"]. Moscow, Ekonomika Publ., 2007, 446 p.

15. Lyashenko V.I. *Finansovo-regulyatornye rezhimy stimulirovaniya ekonomicheskogo razvitiya: vvedenie v ekonomicheskuyu rezhimologiyu* [Financial and regulatory regimes to stimulate economic development: an introduction to economic regime studies]. Donetsk, Institute of Economy of Industry (IEI) of NAS of Ukraine Publ., 2012, 370 p.

16. Marshall A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki* [Principles of Economics]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 830 p.

17. Nusratullin V.K. *Neravnovesnaya ekonomika* [Disequilibrium Economy]. Moscow, Kompaniya Sputnik+ Publ., 2006, 482 p.

18. Porter M.E. *Konkurentnoe preimushchestvo: kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoychivost'* [Competitive Advantage]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005, 715 p.

19. Hodgson G.M. Chto takoe instituty? [What Are Institutions?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2007, no. 8, pp. 28–49.

20. *Ekonomicheskii mekhanizm i osobennosti innovatsionnoi politiki na Severe* [An economic mechanism and the features of innovation policy in the North]. Apatity, Kola Scientific Center of RAS Publ., 2012, 255 p.

21. Yadgarov Ya.S. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii: uchebnik* [History of economic thought: a textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004, 480 p.

Konstantin V. PAVLOV

Kama Institute of Humanities and Engineering Technology, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation
kvp_ruk@mail.ru